

О древнейших археологических памятниках округа станицы Раздорской

Цыбрий В.В.,

РРОО «Донское археологическое общество»,

г. Ростов-на-Дону

Понятие «ракушечноярская культура» прочно вошло в научный оборот после широкомасштабных исследований Т.Д. Белановской многослойного анонимного поселения на о. Поречный у ст. Раздорская (Усть-Донецкий р-н, Ростовской обл.) в Нижнем Подонье [3]. Основанием для выделения самостоятельной культуры было сходство инвентаря вскрытых слоев, наличие круга близких памятников, обилие выявленных материалов и своеобразие их облика. Количество памятников, относящейся к неолитическому этапу ракушечноярской культуры невелико. Прежде всего, это слой 1 Раздорского 1 поселения соответствующий, судя по инвентарю, пачке нижних ракушечноярсских слоев [10; с. 78]. С 5-м поздне-неолитическим слоем Ракушечного Яра синхронизировал 6-й слой Самсоновского поселения А.Н. Гей [6; с. 13]. Видимо к неолитическому периоду относится часть керамики из местонахождений на острове Гостевой к югу от ст. Раздорской. Сборы из района Цимлянского водохранилища [8, с. 537,538; 22; с. 134,137], 5-й самсоновский слой, 2-й и 3-й слои поселения Раздорского 1 относятся к энеолитическому этапу развития культуры, область распространения которой, видимо, ограничивается долиной Нижнего Дона. Д.Я. Телегин предполагал более широкий ареал, включая Среднее Подонье и Подонцовье [20; с. 13]. В последнее время часто выделяют ракушечноярские черты в керамике памятников сопредельных регионов («нижнедонская культура» – по Н.С. Котовой [13; с. 10-18] и пишут о перемещениях нижнедонского населения. Тем не менее, комплексы аналогичные ракушечноярсским, за пределами Нижнего Дона неизвестны.

По мнению ряда исследователей, ранний неолит Ракушечного Яра имеет хронологические рамки в пределах середины VII – начало VI тыс. до н.э. Средняя пачка слоев относится к развитому неолиту и в рамках абсолютной хронологии это, вероятно, 2-я четверть VI – конец VI тыс. до н.э., на что указывают в целом непротиворечивые определения с 15-го по 8-й слои. К периоду позднего неолита относится 5-й слой Ракушечного Яра, что подтверждается и абсолютной датой, относящейся к первой трети V-го тыс. до н.э. Предложенная реконструкция хронологии, в целом, хорошо вписывается в схему последовательного развития неолита, ранняя фаза которого представлена докерамическими и раннекерамическими комплексами.

Т.Д. Белановской проведено детальное сравнение с материалами широкого круга неолитических культур степной и лесостепной зон Восточной Европы, Крымом, Кавказом. Сопоставляя Ракушечный Яр с матеевокурганскими памятниками в сопредельном Северо-Восточном Приазовье, были отмечены некоторые общие черты – топография поселений, шлифованные рубящие изделия и грузила, хозяйство, основанное на охоте и рыболовстве, при подчиненном значении скотоводства. Существенные отличия в каменном и костяном инвентаре, на фоне почти полного отсутствия керамики в матеевокурганских памятниках вполне закономерно объяснялись более ранним возрастом приазовского неолита, относительно большинства слоев Ракушечного Яра. Но «определенная преемственность отдельных элементов имела место» [4; с. 194]. Тем самым определялось значение матеевокурганских древностей для понимания генезиса ракушечноярской культуры.

Между тем степень преемственности между неолитическими и энеолитическими слоями Ракушечного Яра не ясна. Т.Д. Белановская писала что «...оснований говорить о полной смене культуры нет» и, вместе с тем, подчеркивала, что гребенчатая керамика энеолитических слоев не является результатом эволюционного развития, а связана с инокультурным, восточным влиянием [4; с. 175]. Мнение о генетической связи неолитических и энеолитических слоев высказывал Д.Я. Телегин [16; с. 59-62]. Между тем, на поселении Раздорском 1 материалы 2-го мариупольского слоя довольно существенно отличаются от первого, ракушечноярсского [10; с. 73,74]. Изменения в керамическом комплексе верхних слоев Ракушечного Яра послужили основанием для Н.С. Котовой включать их, наряду со вторым слоем Раздорского 1 в нижнедонскую нео-энеолитическую культуру [13; с. 10]. По ее мнению изменения носили принципиальный характер и связаны с миграционной волной из Предуралья. О тесных связях с неолитом Урала писал О.Н. Бадер, имея в виду ракушечноярское поселение [2; с. 38]. Возможную генетическую связь культур Волго-Уральского междуречья и Нижнего Подонья не исключала и Н.Л. Моргунова [15; с. 31]. Эти идеи созвучны с мнением В.Н. Даниленко о

масштабных миграциях с востока [9; с. 176]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что серьезную трансформацию претерпевает только ракушечная керамика, сохраняя при этом традиционные для неолита формы и приемы орнаментации [4; с. 175].

Что касается других сторон материальной и духовной культуры, то принципиальных изменений не происходит, и инокультурных проявлений не наблюдается. Существенно не меняется техника обработки камня и кости, типология инвентаря и формы хозяйства. Остаются прежними такие показательные признаки как приемы домостроительства и традиционная орнаментация каменных и костяных изделий. Вряд ли стоит переоценивать изменения в традициях керамического производства, как индикатора этнокультурных изменений. Такой подход нередок в исследованиях по неолитическому и энеолитическому периодам, при общераспространенном и неверном мнении о малой информативности других категорий инвентаря, в частности каменного. На самом деле длительное переживание традиционных, приемов обработки камня, форм хозяйства на протяжении почти всего неолита является скорее нормой, чем исключением и прослеживается по всей степной и лесостепной зоне. В этом отношении каменные индустрии, при надлежащем анализе зачастую более информативны в отношении культурной изменчивости, чем мобильная керамическая стилистика. Эта мысль не нова и хорошо проиллюстрирована на материалах донецкой культуры А.Ф. Гореликом [7; с. 36]. Очевидно, что того комплекса признаков, по которому мы могли бы судить об инфильтрации ракушечной культуры населения в неолите и раннем неолите за пределы Нижнего Подонья нет. Появление и распространение различных керамических стилей характеризует возрастающую динамику межкультурного взаимодействия, при сохранении довольно четкой дифференциации и стабильности самих культур [5; с. 19].

Таким образом, нет достаточных оснований для пересмотра выводов Т.Д. Белановской о продолжении развития ракушечной культуры в раннем энеолите, что соответственно ставит под сомнение обоснованность выделения нижнедонской (по Н.С. Котовой) культуры. Выразительные материалы многослойного неолитического и энеолитического ракушечной культуры поселения демонстрируют длительный процесс развития первобытного общества, который характеризуется относительной стабильностью условий обитания и традиционных форм ведения хозяйства, изменения в котором носили плавный и эволюционный характер. Разнообразные межрегиональные контакты не приводили к изменению самобытного облика культуры, носители которой были, очевидно, этнически устойчивой и однородной группой.

Решение вопроса о происхождении ракушечной культуры, как представляется, напрямую связано с новыми раннеолитическими материалами долины Нижнего Дона, полученными в ходе исследований стоянки Раздорская 2. Памятник относится к наиболее ранней докерамической фазе неолита, и, видимо, является наиболее древним на территории исследования. Хотя обитатели стоянки и были знакомы со свойствами обожженной глины, но это еще не привело к появлению гончарства. При преобладании высокоадаптивного присваивающего хозяйства, основанного на рыболовстве и охоте, зафиксировано наличие домашних животных. Архаичный кремневый инвентарь сочетается с высокоразвитыми индустриями обработки мягких пород камня и кости. Основные черты материальной культуры и хозяйства раздорских поселенцев вполне соответствуют представлениям о начальной стадии степного неолита, сложившимся на основе материалов раннеолитической матвеевокурганской культуры [14]. Полученные данные абсолютного возраста стоянки Раздорской 2 хорошо согласуются с этим выводом. Судя по имеющимся датам, указывающим на середину 7 тыс. до н.э. (cal. BC) памятник синхронен матвеевокурганским поселениям, либо несколько древнее их. В целом, определения возраста, соответствуют нижней границе других раннеолитических культур Северной Евразии. В отличие от Раздорской 2 ранние формы гончарства, уже были освоены носителями матвеево-курганской культуры. Л.Я. Крижевская, привлекая разработки по ближневосточному неолиту, аргументировано обосновывает поэтапный характер этого процесса и в степной зоне Северного Причерноморья [14; с. 85-92]. Аморфные и невыразительные кусочки керамики, спекшаяся обмазка, зафиксированные в раздорских материалах отражают этап, предшествующий появлению посуды. Спор между сторонниками и противниками докерамического неолита в настоящее время утратил свою остроту, в связи с изменением подходов к его содержанию. Большее значение придается изменениям систем адаптации древнего населения в этот период. Изменения связаны не столько с появлением новых, производящих форм хозяйства, сколько с повышением эффективности старых присваивающих. Часто это проявляется в сложении комплексного хозяйства, ориентированного на максимально полное использование природных ресурсов ареала обитания. Это приводило к стабилизации населения в рамках определенных экологических ниш, постепенному формированию полуседлого и затем оседлого образа жизни. Этот процесс хорошо проиллюстрирован, материалами Среднего Дона [18]. Развитие рыболовства выступает как важнейший элемент комплексного первобытного хозяйства неолитического населения обширных территорий [16; с. 8; 17; с. 26-33], в том числе, Подонья и Приазовья.

Таким образом, представляется бесспорным ранне-неолитический возраст стоянки Раздорская 2. В предварительной публикации уже было указано на черты сходства с матвеевокурганскими поселениями [11; с. 69]. И, действительно, убедительные параллели, как общего, так и более частного характера имеют место. Кремневые индустрии пластинчатые, но не микролитовидные, развита техника обработки мягких пород камня и кости, в составе фауны наряду с дикими животными определены и домашние виды, а керамическое производство имеет зачаточный характер. Есть и отдельные черты сходства в структурах комплексов и типах изделий. Таким образом, по ряду общих признаков раздорскую стоянку и матвеевокурганские поселения можно сближать. Территориальная близость, черты общего сходства материальной культуры позволяют говорить о контактах нижнедонского и приазовского населения в раннем неолите.

Комплекс стоянки Раздорская 2 имеет аналогии и в материалах территориально близкого многослойного Ракушечноярского поселения, для которого также характерна пластинчатая кремневая индустрия, развитая обработка мягких пород камня и кости. Интересны следующие наблюдения. При общем сходстве рубящих орудий, ракушечноярские топоры и тесла имеют более стандартные геометрические очертания, тогда как некоторые раздорские изделия имеют скругленную форму вплоть до «каплевидной». Разработки по типологии рубящих орудий для других территорий показывают, что овальные формы являются наиболее архаичными [19]. Примечательно полное сходство специфических по облику долот (по Т.Д. Белановской) или стамесок (по типологии принятой для Раздорской 2). Обращает на себя внимание, что отверстия ракушечноярских грузил проделывались только сверлением, тогда как на раздорской стоянке широко применялся и пикетаж. Кремневый инвентарь Ракушечного Яра в основном происходит из средних слоев поселения, но, как представляется, достаточно однотипен и мало изменчив в неолитических горизонтах. Ракушечноярская индустрия ориентирована на получение более широкой пластинчатой заготовки – до 2,4 см и шире. Фрагментов пластинчатых сколов несколько больше чем целых пластин, но вторичной обработке подвергались, преимущественно, целые сколы, причем ретушированных пластин больше чем не обработанных [4; с. 63-71]. По этим показателям памятники существенно отличаются. Кроме того, в неолитических слоях Ракушечного Яра не отмечены резцы, сегменты, косые острия, единичны рубящие орудия из кремня. Но довольно рано (с 11 слоя) появляются трапеции с уплощающей ретушью на спинке, двусторонне обработанные ножи [4; с. 77,84,85]. Определенные изменения в облике индустрии связаны уже с энеолитическими верхними слоями. Получают развитие двустороннеобработанные наконечники, увеличивается ширина и длина пластин, появляются удлиненные концевые скребки, выявлен кремневый топорик с шлифовкой. Набор костяных изделий ракушечноярского поселения существенно отличается от коллекции Раздорской 2 [26; с. 39], но ряд интересных аналогий все же прослеживается. Близки некоторые типы острий, в материалах обоих памятников есть долотовидные орудия, отмечены похожие приемы орнаментации. Интересно, что приемы орнаментации, которые в Ракушечном Яре никогда не сочетаются – врезанные линии и высверленные углубления, представлены в материалах раздорской стоянки. Еще одна интересная деталь. В числе раздорских изделий есть обломки костяной и двух сланцевых пластинок с высверленным орнаментом, и подобные же изделия: (оригинальные удлиненно овальные предметы) многочисленны в Ракушечном Яре. В целом же орнаментика кости и камня раздорской стоянки более представительна и разнообразна. Исходя из архаичного облика раздорских материалов, можно предположить, что на Ракушечном Яре развиваются известные ранее приемы и мотивы в сторону упрощения и большей схематизации. Это может быть связано с появлением керамического производства и частичным переносом в новую сферу изобразительной символики.

Таким образом, нет оснований относить стоянку Раздорскую 2 к ракушечноярской культуре. В то же время можно уверенно полагать, что отмеченные отличия имеют стадийный характер и объясняются существенным хронологическим разрывом в бытовании памятников, по крайней мере, в отношении основной свиты ракушечноярских неолитических слоев. Как уже говорилось выше, синхронизировать с раздорской стоянкой можно лишь самые нижние слои Ракушечного Яра. В целом же, по сумме признаков, раздорский комплекс является предшествующим и родственным ракушечноярской культуре. Этот вывод не противоречит представлениям об эволюционной изменчивости каменного и костяного инвентаря, а уверенные параллели позволяют говорить о генетической связи стоянки Раздорская 2 и ракушечноярской культуры. Причем позиция этих материалов в вопросе генезиса выглядит более предпочтительной в сравнении с матвеевокурганскими памятниками, хотя участие последних в сложении развитого неолита Нижнего Дона исключать нельзя.

Отдельные черты сходства с другими неолитическими памятниками региона и сопредельных территорий только подчеркивают самобытность материалов Раздорской 2. Стоянки неолита долины Маныча и Восточного Приазовья, восточных степных районов Нижнего Подонья имеют своеобразный облик, который определяется близостью к специфичным микролитическим индустриям предкавказско-североприкаспийской (по Х.А. Амирханову) области [1]. Датируются эти комплексы, преимущественно развитым и поздним неолитом. Тем не

менее, на существование связей с восточными и южными территориями указывают наличие сегментов со встречной ретушью в Раздорской 2, немногочисленные находки грузил и шлифованных рубящих орудий в Восточном Приазовье и Поманычье [25]. Вероятно, с некоторым технологическим влиянием культур Предкавказья и Прикаспия можно связывать развитие приема фрагментации пластинчатых сколов, применение плоской брюшковой и встречной ретуши в раздорском кремневом инвентаре. Через Восточное Приазовье обозначается опосредованная связь с Кавказом, где известны двустороннеобработанные микролиты (Каменноостская пещера) [24; с. 56] и шлифованные рубящие изделия (Нижне-Шиловская стоянка) [23; с. 134,135,142,143]. На кавказское направление связей указывают и находки обсидиана в Подонцовье [12; с. 55; 7; с.34]. Памятники донецкой культуры в низовьях С. Донца территориально близки раздорской стоянке и демонстрируют черты определенного сходства [12; с. 62]. Но орудийные комплексы своеобразны по структуре и составу изделий. Различны наборы и соотношения скребков и резцов, типологический состав геометрических микролитов, приемы вторичной обработки. Кремневые рубящие орудия раздорской коллекции более разнообразны и, как было отмечено выше, принципиально отличаются от классических донецких топоров. Много общего обнаруживают изделия из песчаника и сланца, но несопоставим количественный состав этих находок. Наличие рыболовецкого инвентаря, скорее всего, объясняется заимствованием и отражает взаимные контакты с территориально близким, но инокультурным населением.

Параллели раздорским материалам в более отдаленных регионах имеют частный характер, особенно при отсутствии такого важного для сравнения источника как керамика. О некоторых из таких аналогий уже говорилось в печати [26; с. 39], в частности об отдельных чертах сходства с позднемезолитической стоянкой Игрень в Поднеповье [20; с. 39-51]. Таким образом, сравнительный анализ имеющихся материалов характеризует стоянку Раздорскую 2, как яркий и самобытный комплекс, который следует выделять в самостоятельный культурный тип памятников раннего неолита Нижнего Дона.

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 3, 2007 г.

Библиографический список

- [1] Амирханов Х.А. Чохское поселение. – М., Наука, 1987. – 221 с.
- [2] Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М., 1970. – 175 с.
- [3] Белановская Т.Д. Ракушечноярская культура времени неолита и энеолита на Нижнем Дону // Проблемы хронологии археол. памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов н/Д: РГУ, 1983 (б). – С. 10-15.
- [4] Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. – СПб: СПбГУ, 1995. – 200 с.
- [5] Белановская Т.Д., Тимофеев В.И. Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). – СПб: ИИМК РАН, 2003. – С. 14-21.
- [6] Гей А.Н. Самсоновское поселение // Древности Дона (Материалы работ Донской экспедиции). – М.: Наука, 1983. – С. 7-34.
- [7] Горелик А.Ф. Сложение донецкой культуры и некоторые методологические проблемы "неолитизации" мезолитических культур // Древности Подонцовья. – Луганск, 1997. – С. 32-37.
- [8] Горецкий Г.И. Новые стоянки конца неолита и эпохи бронзы на террасах Нижнего Дона и Маныча, как геологические документы // ИВГО, 1948, т. 80, №5 – С. 14-29.
- [9] Даниленко В.Н. Неолит Украины. – Киев: Наукова думка, 1969. – 259 с.
- [10] Кияшко В.Я. Многослойное поселение Раздорское 1 на Нижнем Дону // КСИА. 1987. – Вып. 192. – С. 73-80.
- [11] Кияшко В.Я., Ромащенко Н.И. Раздорское 2 – новое местонахождение каменного века на Нижнем Дону // Историко-археол. исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 г. – Вып. 3. – Азов: АМЗ, 1994. – С. 58-70.
- [12] Кияшко В.Я., Цыбрий В.В., Цыбрий А.В. Раннеэнеолитические материалы стоянки Усть-Быстрая на Северском Донце // АЗ. – Вып. 1. – Ростов н/Д: ДАО, 2000. – С. 45-63.
- [13] Котова Н.С. Мариупольская культурно-историческая область // Археологічні пам'ятки та історія стародавнього населення України. – Луцк 1994, №1. С. 3-167.
- [14] Крижевская Л.Я. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. – СПб: ИИМК, 1992. – 177 с.
- [15] Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. – Оренбург, 1995. – 222 с.
- [16] Неолит Северной Евразии. / Археология. – М., 1996. – 379 с.
- [17] Неприна В.І. Виникнення та розвиток рибальства на території України // Археологія, 1988, №64. – С. 28-32.
- [18] Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. – Воронеж: ВГУ, 1986. – 180 с.
- [19] Телегин Д.Я. К методике составления: типолого-статистической таблицы кремневых изделий мезо-неолитической эпохи // Орудия каменного века. – Киев, 1978. – С. 35-57.
- [20] Телегин Д.Я. Про неолітичні пам'ятки Подоння і Степового Поволжя // Археологія, 1981. № 36. – С. 3-19.
- [21] Телегин Д.Я. Ігреньське поселення на Подніпріві та проблема житлобудування в мезоліті Східної Європи. – Луганськ, Шлях. 2002. – 92 с.

[22] Формозов А.А. Неолитическая керамика Нижнего Подонья // КСИИМК. 1954. – Вып. 53. – С. 134-138.

[23] Формозов А.А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа (Материалы к изучению неолита Юга СССР) // МИА. 1962. №102. – С. 89-149.

[24] Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. – М.: Наука, 1965. – 160 с.

[25] Цыбрий А.В. Неолитические памятники Восточного Приазовья // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). – СПб: ИИМК РАН, 2003. – С. 41-55.

[26] Цыбрий В.В., Кияшко В.Я. Изделия из кости стоянки Раздорская 2 на Нижнем Дону // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). – СПб: ИИМК РАН, 2003. – С. 30-40.